

Езжу железной дорогой редко, в основном летаю самолетом: как говорят, четыре часа страха, но зато быстро, и ты на месте. Поэтому, наверное, и запомнился мне этот случай. Ехала я тогда после творческой, плодотворной работы с целой связкой живописных этюдов из Сочи в Петербург. Там жила, да и сейчас живет, моя дочь с мужем после окончания Академии художеств. В Питер заезжаю при любой возможности по дороге домой в Барнаул. Для нас, сибиряков, это не крюк! Каждый свой приезд совершаю магический круг по обязательному маршруту: Невский проспект, Русский музей, Дом книги, выставочный зал Союза художников на Большой Морской, Манеж, Капелла, Эрмитаж, Консерватория...

Любимый Питер – «музей под открытым небом». Кажется, что даже сам его промозглый воздух наполнен историей! У этого города своя, особенная душа... Короче, еду в предвкушении встречи с новыми книгами, спектаклями с легендарными артистами и картинами любимых художников!

В вагоне часа три в моем купе, кроме меня, никого не было. Сезон отдыхающих давно закончился, поток пассажиров явно иссяк. На дворе – уже начало декабря. Солнце хотя и светит, но как-то не очень радостно. Еду с юга на север...

Как обычно бывает в первой половине пути, окунувшись в недавнее прошлое, вспоминаю с легкой грустью прекрасные моменты, подаренные мне судьбой, мысленно прощаюсь с морем и чарующими, фантастическими закатами.

Вырвала меня из грез, шумно заселяясь в купе, женщина под пятьдесят по имени Надежда Павловна. После ритуала знакомства, попили чайку, постелили свои постели, посокрушавшись их влажности и неприглядности.

Вдруг резко отъехала дверь в нашем купе. Быстро задвинув ее за собой, ворвалась взволнованная девушка, на ходу объясняя, что сбежала из другого вагона от нахального соседа. Я как будто воочию увидела эту картинку. Когда-то в подобной ситуации пришлось побывать и мне, убегая почти через весь состав поезда. С содроганием вспоминаю сумрачный квадрат купе и шлепнувшуюся лапу пьяного мужика на мое колено. Я тогда на пять дней поехала на открытие региональной художественной выставки в Красноярск с легкой сумкой, да и благо у меня

были попутчицы в другом вагоне, куда я могла скрыться. Девушка оказалась в гораздо более сложной ситуации со своим тяжелым грузом в виде разнокалиберных многочисленных сумок. В ее широко раскрытых глазах – испуг и мольба о защите.

Две верхние полки пока были свободны, и мы, конечно, не отказались приютить беглянку хоть до самого Питера. Она быстро освоилась, растолкала свои баулы с вещами по свободным нишам, сообщив, что ее зовут Надей, «Надя из Майкопа». Как оказалось, это была уже вторая «Надя из Майкопа», которая едет в моём купе. По иронии судьбы мои попутчицы оказались тётками.

Первая оставила свои родные пенаты, «то бишь Майкоп», много лет назад. Сейчас Надежда Павловна – благополучная «питерка», со своим жильем, взрослым сыном и состоятельным другом. Мы слышали совсем неоригинальную историю ее жизни. Подумалось: «Таких одиноких в поисках женского счастья всегда немало колесит и будет колесить по дорогам нашей многострадальной родины, так как «широка страна моя родная...»

Старшая попутчица с гордостью и самодовольством рассказала о своих достижениях, о своей «просто замечательной» профессии массажистки, о том, сколько мужчин ее любили. Её история, если не про Золушку, но тоже со счастливым концом и удивительно благополучна. Сбегая двадцать лет назад с маленьким сыном из удушливого, провинциального южного городка от мужа – самодура и алкоголика, она уезжала в «никуда», так как терять было нечего, как говорят, кроме своих цепей. Это «никуда» оказалось огромным столичным городом на севере. Если юг не грел, может, север обогреет? За эти годы много всего и всякого было...

Сейчас передо мной сидела самодостаточная, уверенная в себе женщина, явно любимая и любящая (не за этим ли она уехала?) Побывав на родине в гостях, продемонстрировав родственникам свое благополучие, собрав кучу завистливых вздохов и взглядов, она, удовлетворенная и счастливая, с южными дарами – хурмой и фейхуа в корзинке, возвращалась в свой Санкт-Петербург.

А молодая Надя из Майкопа слушала ее с большим интересом, так как наверняка, хотела заглянуть в свое питерское будущее, примеряя услышанное на себя. Её глаза блестели, щеки горели лихорадочным румянцем, нетерпение и азарт сквозили во всем облике. Харизматичная девушка, к сожалению, не была обременена даже налетом культуры.

Из многодетной семьи, она сама привыкла о себе заботиться. Сразу после школы оказалась на базаре, со временем став продавцом-ассом в мясном отделе. (Кстати, ее советы по правильному выбору мяса помогают мне до сих пор). Натрговала она себе на квартиру, и тут возник вопрос: ну а дальше что делать? И поняла наша Надя, что ловить в родных пенатах больше нечего. Сколько было встреч с мужчинами – столько и разочарований. Сама удивляется, как выходила из этих передраг без потерь, да и вообще осталась жива!

Под чаек и лузганье семечек мы с Надеждой Павловной выслушали несколько душераздирающих историй, немало озадаченные многоопытностью молодой девушки. Надя была из породы лихих и отчаянных, как

теперь говорят «безбашенных». До сих пор помню ее рассказы в жанре детектива о счастливых спасениях, о прямо-таки сказочных «хеппи-ендах»! Казалось, она гордится своей изворотливостью и везучестью. А может, это благодарные слушательницы в нашем лице вдохновляли рассказчицу на сочинение легенд о себе любимой?

И нашу Надюшу несло... Слушаю дальше, как друзья-первопроходцы, исчерпав весь лимит счастья «по-майкопски», стали потихоньку отъезжать с малой родины в столицы. Конечно, их там особенно никто не ждал, если не сказать, что вообще никто не ждал. Но на всегда вакантные места официанток, хотя бы в «Макдоналдсе», можно было, как им казалось, рассчитывать.

Наверняка наша Надежда на свое будущее имела более радужные надежды и розовые мечты. И это – правильно и так понятно! В ее двадцать три года все еще впереди и все может случиться и, конечно же, самое хорошее и замечательно-необыкновенное и именно с ней! Да и прикид для этого она выбрала, на ее взгляд, правильный. В толпе трудно не заметить столь ярко одетую девицу в мехах, перьях, штанах леопардового окраса и на высоченных шпильках. В общем, «вооружена».

Так в веселой говорильне наше женское купе скоротало два дня пути. Стали готовиться к выходу, складывать свои вещи, одеваться. В атмосфере нашего купе смешались три совершенно разных парфюма: моя классическая «Шанель», чувственный и упоительный аромат «Клима» старшей Надежды и острые вызывающие духи молодой попутчицы.

Сию и поневоле наблюдаю, как обе мои Нади готовятся к встрече с «большой землей». Пудра, румяна, тушь, тени, помада... Тут Надежда Павловна заученным движением извлекает из своей сумки какого-то фиолетоватого цвета очень кудрявый парик и водружает его себе на голову. Я к перемене образа не была готова и весьма удивилась ее новому облику. Передо мной сидела «женщина-вамп», с красными губами и смелой прической, готовая под взгляды мужчин.

Но еще более не готова я была увидеть нашу изменившуюся молоденькую Надюшку. Она тоже из своего необъятного сумаря достала нечто пестро-лохматое и водрузила себе на макушку. Ее парик был куда круче, новый образ Нади говорил: «Меня голыми руками не возьмешь! Я приехала покорить этот город!» Картинка была весьма впечатляющая.

Вскоре поезд остановился на знакомом с юности Московском вокзале в Санкт-Петербурге, который был братом-близнецом Ленинградского в Москве. Снег за окном сулил мне первую встречу с питерской зимой. После южного Сочи настоящая зима в декабре почему-то оказалась опять неожиданной.

Вокзальный народ как всегда сновал по закону броуновского движения. Очень быстро толпа поглотила и старожилку Надежду Павловну с букетом роз в руках, и быстро ковыляющую на своих каблучищах, рвущуюся в неизвестное Надюшку со всем ее скарбом.

Вышла я тогда из вагона, не торопясь, удивленная увиденным и задумчивая не по ситуации. А меня уже ждали радостные и раскрасневшиеся от морозца дочь с зятем, нетерпеливо заглядывающие в

заиндивевшие окна вагона. Парики, нахлобученные в последний момент моими спутницами, поразили мое воображение и сразили наповал, можно сказать, «добили» после всего услышанного.

Две судьбы двух женщин, их во многом похожесть и бытийная параллельность заставили меня подумать: может, этот жизненный театр был разыгран предо мной не случайно? И для чего-то вершитель судеб земных собрал на два дня и две ночи на двух квадратных метрах между небом и землей двух женщин, рожденных в одной географической точке, следующих в одну точку и, очевидно, живущих по одному сценарию, где мне была отведена роль невольного зрителя этого спектакля.

И вот я, оказавшись опять в поезде и увидев внутренним взором случайную встречу десятилетней давности, озадачиваюсь вопросом: помог ли молодой Надюше ее паричок? Оправдались ли ее надежды покорить северную столицу, этот уникальный город, «город-Мекку» для художников и творцов, тех, кто готов был во все времена подарить ему свои таланты и даже отдать свою жизнь? А может, этот «город-манок» станет прибежищем для тех, кто будет просто греться в лучах его славы, оплаченной и выстраданной другими. И затеряются они в густой людской массе, готовые терпеть все и всех и приспособляться, обживая его окраины, только лишь для того, чтобы называться «питерцем»...

Ирина Витальевна ЩЕТИНИНА
Санкт-Петербург – Барнаул. Ноябрь, 2012.

